

Золотоискатели

Суровый север, опасности и жажда приключений превратили охотника Родерика Дрюи, индейца-полукровку Ваби и траппера Мукоки в настоящих братьев. Они отправляются по следу старой карты из заброшенного шалаша золотоискателей — ведь тот, кто любит приключения больше золота, не испугается его проклятия. Но, борясь с дикой природой, друзья столкнутся с тем, кто надежней непроходимых лесов скрыл тайну золотого прииска... («Золотоискатели»)

Также в том вошел роман «Черный Охотник» — история преданной любви и необыкновенных приключений, которая началась в канадских лесах в далеком 1754 году...

Мир приключений

Джеймс Олвер
Кервуд

Золотискатели

Джеймс Оливер Кервуд

Золотоискатели

Романы

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2017

© М. Волосов. Наследники, перевод, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2017

ISBN 978-617-12-2773-6 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Сувора північ, небезпеки й жага до пригод перетворили мисливця Родеріка Дрюї, індіанця-покруча Вабі та трапера Мукокі на справжніх братів. Вони вирушають слідом старої мапи з покинутого куреня золотошукачів — адже той, хто любить пригоди більше від золота, не злякається його прокляття. Але, борючись з дикою природою, друзі зіткнуться з тим, хто надійніше за непрохідні ліси приховав таємницю золотої копальні... («Золотошукачі»)

Також до тома ввійшов роман «Чорний Мисливець» — історія відданого кохання і надзвичайних пригод, яка почалася в канадських лісах далекого 1754 року...

Кервуд Дж.-О.

К36 Золотоискатели ; Черный Охотник : романы / Джеймс Оливер Кервуд ; пер. с англ. З. Львовского, М. Волосова ; сост. серии О. Дыдыкина. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2017. — 320 с. — (Серия «Мир приключений», ISBN 978-617-12-2483-4 (Украина))

ISBN 978-617-12-2482-7 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3830-0 (Россия)

Суровый север, опасности и жажда приключений превратили охотника Родерика Дрюи, индейца-полукровку Ваби и трапера Мукоки в настоящих братьев. Они отправляются по следу старой карты из заброшенного шалаша золотоискателей — ведь тот, кто любит приключения больше золота, не испугается его проклятия. Но, борясь с дикой природой, друзья столкнутся с тем, кто надежней непроходимых лесов скрыл тайну золотого прииска... («Золотоискатели»)

Также в том вошел роман «Черный Охотник» — история преданной любви и необыкновенных приключений, которая началась в канадских лесах в далеком 1754 году...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7США)

Печатается по изданиям:

Кервуд Дж.-О. / Джеймс Оливер Кервуд. Долина Молчаливых Призраков ; Скованные льдом сердца ; Золотоискатели ; Девушка на скале. — М. : Славянка, 1993. — 448 с.

Кервуд Дж.-О. / Джеймс Оливер Кервуд. Тяжелые годы ; Черный Охотник ; Там, где начинается река. — М.: Славянка, 1992. — 384 с.

Перевод с английского *Зиновия Львовского* («Золотоискатели») и *Марка Волосова* («Черный Охотник»)

В оформлении обложки использована иллюстрация *Чарльза Мариона Рассела* «When Law Dulls the Edge of Chance» (1915)

Золотоискатели

Глава I

По следам Родерика Дрюи

Тяжелый полуденный покой царил над необъятной канадской территорией, занятой лесами, полями и озерами.

Лось и олень-карибу, просыпающиеся с первыми проблесками дня раньше всех остальных животных, вдоволь насытились и отдыхали теперь, совершенно недвижимые в преждевременном зное февральского солнца.

Рысь, свернувшись кольцом в своей берлоге среди хаоса огромных камней и скал, терпеливо выжидала момента, когда дневное светило склонится по северному небу к западу и позволит снова выйти на охоту. Птицы, готовые ежеминутно сорваться с ветки, сладострастно ерошили свои перья и были безмерно счастливы под лаской животворного тепла, сгоняющего с полей последние зимние снега.

Стоял час, когда опытный охотник сворачивает с проторенного следа в сторонку, снимает с себя свою тяжелую поклажу, собирает немного хвороста, раскладывает костер, завтракает, закуривает трубку и в то же время самым напряженным образом приглядывается и прислушивается ко всему тому, что происходит вокруг.

Едва только вы пытаетесь возвысить голос, он подносит палец к губам и начинает быстро бормотать:

— Ш-ш-ш! Молчите, вы! Кто его знает: может быть, совсем близко от нас залег зверь. Теперь — час полного покоя. Если мы сохраним спокойствие, звериная сиеста может продлиться еще час-другой. Я почти не сомневаюсь, что на расстоянии ружейного выстрела от нас отдыхает какой-нибудь лось. В таких случаях ничего нельзя знать...

Вдруг на однотонном фоне застывшей и немой пустыни зашевелилось что-то. В первую минуту глаз уловил только точку,

черную точку на светлом скате занесенной снегом горы. Но точка эта начала постепенно расти, удлиняться, шириться, вытягивать лапы, шевелить плечами.

Это был волк.

Большей частью волк, закончив свою трапезу, тяжело и глубоко засыпает. Человек, знакомый с жизнью лесных зверей, скажет вам, что только какая-нибудь исключительная причина может вывести волка из его послеобеденного оцепенения.

Наш волк вдруг почувствовал в воздухе несомненные признаки того, что всего больше и сильнее тревожит обитателей арктических стран: человеческий запах!

Отяжелев от пищи и сна, волк стал медленно спускаться со ската, но видно было, что в любую минуту он может проявить весь свой древний и атавистический инстинкт самозащиты.

Выйдя на протоптанную тропинку, слегка осевшую под тающим снегом, он внезапно остановился: человеческий запах сделался сильнее, и зверь уже знал, что ему надо теперь делать. Он поднял вверх морду, широко раскрыл пасть и зычным, резким криком дал знать своим братьям по лесам и равнинам о надвигающейся грозной опасности.

Утром волк обычно ограничивается подобным сигналом. Ночью он немедленно бросается на человека, и другие волки так же быстро спешат к нему на помощь. Но в сиянии полуденного солнца он, издав тревожный крик, тотчас же, как только почует близость человека, опрометью бросается в противоположную от врага сторону.

Однако наш волк не обратился в бегство. Он продолжал нюхать воздух. Впереди него бежала дорожка, довольно широкая и недавно проложенная санями и собаками.

Сани и собаки принадлежали молодому Родерику Дрюи, который совсем недавно выехал из фактории на озере Нипигон и возвращался в цивилизованные страны.

Не эти сани привлекли внимание волка, который все еще стоял, напряженившись, не зная, что делать: бежать или же выждать дальнейших событий. Главная причина тревоги находилась позади него, с северной стороны, откуда ветер приносил подозрительный запах.

К этому запаху вскоре присоединились столь же тревожные звуки. Обоняние и слух одновременно послали грозное предостережение, и тогда волк перестал колебаться, рванулся с места, стремительно понесся по направлению к небольшому леску и через минуту исчез из виду.

На том месте, откуда надвигалась опасность, находилось небольшое замерзшее озеро. На противоположном берегу, на расстоянии мили с четвертью, близ опушки довольно большого леса, неожиданно появился клубок сцепившихся и сбитых в одну кучу собак, тащивших большие сани, за которыми бежал человек.

Полудикие собаки Нортландии часто грызутся между собой даже в пути, и можно было думать, что этот хаос из собак, упряжи, саней и поклажи явился результатом подобной схватки. В продолжение минуты казалось, что человеку никак не удастся выгнать собак на след, но вдруг раздался зычный, повелительный голос, вслед за которым послышался хлесткий звук бича, жалобный визг волкодавов, и, точно по волшебству, тяжелые сани выпрямились, выровнялись, выскочили на дорогу, и собачья упряжка прямой, как стрела, слегка желтоватой нитью пронеслась вдоль полированной поверхности озера.

Человек с замечательной ловкостью бежал вслед за санями. Он был высок, хорошо сложен, и по первому же взгляду в нем можно было признать индейца.

Собаки не успели пробежать и четверти пространства, разделяющего оба берега, как послышались новые крики, и вслед за первыми санями из леса выскочили вторые, которые неслись с такой же безумной прытью, за которыми тоже бежал проводник.

Добежав до озера, второй проводник вскочил на сани, оглушительно крикнул на собак, энергично хлестнул бичом, тотчас же завертел им в воздухе, а затем опустил на головы и плечи своих «рысаков». Обе пары саней почти одновременно достигли правого берега, недалеко от того самого места, где несколько минут назад волк, подняв тревогу, скрылся в лесу.

Двадцать четыре собаки обеих упряжек были утомлены до последней степени и едва дышали. С каждой минутой они явно замедляли свой бег, и так продолжалось до тех пор, пока обе передовые собаки не остановились чуть ли не в одну и ту же секунду. Через мгновение все остальные собаки упали на землю, широко

раскрыли пасти, высунули языки и окрасили девственный снег кровью, обильно сочившейся из лап.

Оба проводника казались не менее утомленными. Старший из них был чистокровный индеец, прекрасно знакомый с Великой Северной Пустыней. Его товарищу вряд ли минуло двадцать лет, и он был строен и тонок, но мускулы его были сильны и подвижны, как у любого живого существа, выросшего в Пустыне.

Его красивое лицо казалось отлитым из бронзы, что отчасти объяснялось постоянным пребыванием на вольном воздухе. С другой стороны, давала себя знать индейская кровь, обильно смешанная с «белой» кровью, которая текла в его жилах.

Старшего, по имени Мукоки, все знали как лучшего следопыта и самого неутомимого проводника в области. Младшего звали Вабигун, и он был сыном директора фактории Вабинош-Хоуз Джона Ньюсома и очаровательной краснокожей принцессы, причем природа подарила ему лучшие качества обеих рас.

Видно было по всему, что оба человека серьезно озабочены одним и тем же делом. С минуту они не говорили ни слова, тяжело переводили дыхание и напряженно глядели друг на друга.

— Я готов допустить, — прерывающимся голосом начал молодой, — что нам не удастся нагнать их. Ты как думаешь, Муки?

Вместо ответа Мукоки опустился на колени и начал внимательно изучать следы, оставленные санями, которые пробежали раньше их.

Прошло довольно много времени, в продолжение которого он приглядывался ко всем знакам, оставленным полозьями саней, лапами собак и человеческими ногами. Наконец он поднял голову и с тем довольным смешком, которого никому не удавалось сымитировать, произнес:

— Я так думаю, что мы настигнем их! Это дело верное! По-моему, там два человека. Проводник и он сам! Поклажа тяжелее нашей. Бегут медленнее. Захватим их наверно!

Ваби, не совсем еще убежденный, недоверчиво покачивал головой.

— Но ты забываешь про то, что наши собаки находятся в самом ужасном состоянии. Ты посмотри только, Муки, как их лапы сочатся кровью. Мой передовой пес адски хромает. Что с ним поделаешь?

Действительно, огромные волкоподобные собаки находились в самом жалком состоянии. Весеннее солнце, не растопив окончательно

снега, все же уменьшило сопротивляемость снежного покрова, и вот почему несчастные животные чуть ли не на каждом шагу наскокивали на острые льдинки, отломившиеся от общей массы льда.

Мукоки внимательнее прежнего осмотрел собак, и лицо его приняло мрачное выражение.

— Да, похвастать нечем... нечем... — проворчал он. — Мы — сумасшедшие люди, вот что я скажу тебе.

Ваби вскричал:

— Это наша вина! Мы сами во всем виноваты! Почему мы не запаслись должным количеством носков для собак? Если я не ошибаюсь, на моих санях их имеется около дюжины, не больше. Их хватит только для трех собак. Клянусь Юпитером, что мы сами виноваты!

Он бросился к своим саням, достал так называемые собачьи носки и вернулся к старому индейцу, который все еще находился в довольно возбужденном состоянии.

— Послушай, Муки, я нахожу, что у нас остался только один выход! — воскликнул юноша. — Нам надо выбрать трех наиболее сильных собак, и кто-нибудь из нас продолжит путь с ними!

Резкие крики людей и хлопанье длинного бича Мукоки подняли на ноги измученных и израненных собак. Три самые большие и сильные собаки были запряжены в сани Ваби, причем предварительно их обули в маленькие мокасины из замши. Еще шесть собак, сохранивших кое-какие силы, были даны им на подмогу.

Через несколько минут животные во всю прыть вновь понеслись по следам Родерика Дрюи. Рядом с санями, желая, насколько возможно, облегчить груз, бежал Ваби.

Погоня началась в полночь, спустя восемнадцать часов после отъезда Родерика из Вабинош-Хоуза. За полночи и утро удалось почти нагнать расстояние, отделявшее их от человека, которого они искали.

За все это время ни люди, ни собаки почти не отдыхали. Они неслись по горам, озерам, мрачным лесам, голым полям и снежным равнинам, не отрывали взора от следа, который все еще бежал впереди них, все время оставались без пищи и воды и лишь изредка глотали снег, для того чтобы хоть немного освежить горло.

Казалось, что свирепые псы прекрасно понимали и учитывали необходимость как можно скорее догнать путников и без усталости и без

передышки бежать по проложенному следу, до тех пор пока цель не будет достигнута.

По мере того как они продвигались вперед, они все явственнее чувствовали запах человека и собак, который все еще ощущался впереди них.

Они делали последние, невероятные усилия, моментами буквально падали с ног, но в то же время были так полны энергии и воодушевления, что казалось, будто бы они считали хозяйское дело своим собственным. При каждом дуновении ветра, который приносил им одуряющий запах нагоняемой упряжки, они свирепо раскрывали пасти, обнажали страшные клыки и резким воем давали знать, что не менее своего погонщика стремятся к победе.

Врожденный инстинкт подсказывал им путь, и они совершенно не нуждались в том, чтобы кто-нибудь правил ими. Упорные до смерти, они уносили вперед сани, высовывали язык едва ли не до самой земли, чувствовали, как все напряженнее колотятся их сердца, и моментами теряли представление о том, что происходит вокруг них, ибо глаза их так налились кровью, что стали похожи на раскаленные красные шарики.

Время от времени, видя, что его силы совершенно подходят к концу, Ваби садился на сани, для того чтобы перевести дух и размять одеревеневшие члены. Чувствуя дополнительную тяжесть, собаки несколько замедляли бег, но продолжали нестись с тем же похвальным и чисто собачьим усердием.

На расстоянии ста шагов огромный лось, задевая своими чудесными рогами самые высокие ветки деревьев, перебежал дорогу, но псы не обратили на него никакого внимания. Несколько подалее они вспугнули рысь, принимавшую свою обычную солнечную ванну на вершине скалы и яростно оскалившую клыки при виде своих вековых врагов. И собаки на одно мгновение, на сотую долю секунды, сократили свои мускулы, словно готовясь прыгнуть вперед и броситься в атаку, но в следующее мгновение они уже неслись дальше.

Однако скорость бега начала мало-помалу уменьшаться. Задняя собака ослабела настолько, что уже не могла сама передвигаться, и остальным товарищам пришлось волочить ее по снегу. С помощью остро отточенного ножа Ваби единым ударом отрезал постромки, соединявшие собаку с остальной упряжкой, и, таким образом, избавил

своих «рысаков» от лишнего груза, который так и остался лежать там, где свалился.

Еще две собаки едва-едва волочили собственные тела. Третья явно хромала. Кроме того, Ваби не мог не заметить, что след все больше и гуще окрашивается кровью...

С каждой минутой лицо его все более омрачалось. От невероятных усилий его глаза были такие же красные, как и у собак, которые делали все, чтобы выполнить приказ хозяина. Против собственной воли он почти не закрывал рта и, тем не менее, дышал с большим трудом. Ноги, обычно такие же неутомимые, как и у оленя, теперь подгибались под ним.

Он не мог уже бежать за санями так, как раньше, в начале погони, и ему приходилось делать мучительные усилия, для того чтобы прогнать из головы страшный вопрос: «Не отказаться ли от преследования, раз ясно видно, что силы подходят к концу?».

Он теперь больше лежал на санях, чем бежал за ними.

Вдруг в момент наибольшей слабости он вскочил с саней и издал несколько понукающих, полных отчаяния криков; собаки рванули из последних сил и вынесли груз из густого, почти непроходимого леса на безграничную, ослепительную снежную равнину.

Несмотря на яркое, праздничное сияние солнца, полуслепому от страданий Ваби удалось различить черную точку на девственно-белой поверхности снега. Он ни на минуту не усомнился в том, что впереди него несутся сани Родерика Дрюи.

Он сделал было попытку криком привлечь внимание того, за кем гнался. Но голос его до того ослабел, что вряд ли был слышен на расстоянии ста шагов. Ноги по-прежнему подкашивались под ним. Ему вдруг почудилось, что они сверху донизу налиты свинцом, и, не в силах устоять на месте, он свалился в снег.

Собаки, остановившиеся в тот же самый момент, что и он, окружили его и начали лизать ему лицо и руки. Их теплое дыхание, пробиваясь сквозь стиснутые зубы, производило впечатление свистящей струи пара.

Так прошло несколько минут, в продолжение которых молодому человеку казалось, что ясный день неожиданно сменился темной, непроглядной ночью. Он закрыл глаза и уже не мог открыть их. Собаки не отходили ни на шаг, а у Ваби создалось представление, что

они убежали и продолжают убегать от него... словно вокруг него образовалась громадная, бездонная яма, в которую он падал с головокружительной быстротой.

Однако какие-то неведомые подсознательные силы продолжали бороться в нем и старались вернуть ему сознание. И в одну из минут полного просветления он понял, что в его распоряжении остался лишь один шанс на спасение. Собаки по-прежнему стояли над ним, тяжело дышали и лизали его лицо и руки.

Сделав невероятное усилие над собой, он открыл глаза, но не увидел уже на этот раз черной точки на белом фоне. Он слегка приподнялся на локте и, нащупывая все вокруг себя, точно слепой, потащился к саням, которые находились совсем близко, но он был так слаб, а собаки образовали такой непроходимый круг, что потребовалось немало времени, для того чтобы выполнить первую часть намеченного плана.

Наконец его пальцы конвульсивно вцепились в жгучую, как огонь, сталь ружья. Вот в чем заключался его последний шанс! Призвав на помощь всю силу воли, он поднял ружье на высоту плеча и, для того чтобы не задеть собак, направил дуло к небу.

Затем он выстрелил. Один раз, два раза, пять раз... После пятого выстрела он вынул из-за пояса новые пули и стал стрелять еще... еще... еще... Он стрелял до тех пор, пока не истощились его заряды и пока черная точка, которую он раньше заметил, а затем потерял, снова не появилась на горизонте, стала замедлять свой бег, остановилась и наконец повернула в его сторону.

Сталь раскалилась до того, что обожгла всю кожу на руке Ваби, но чисто машинально он продолжал нажимать на «собачку» ружья.

У него кружилась голова. Такого тяжелого состояния он не испытывал никогда в жизни. Им снова стало овладевать беспамятство, как вдруг он услышал над самым ухом крик:

— Ваби!

Он вздрогнул, выпрямился, снова зашатался и ответил на призыв:

— Род... Род... это ты? Да?

Родерик Дрюи соскочил со своих саней, побежал к Ваби и схватил его в свои объятия в тот самый момент, когда он снова готов был рухнуть в снег, и закричал:

— Ваби! Ваби, что с тобой случилось? Во имя неба, скажи же мне что-нибудь! Ты ранен?

Молодой человек сделал невероятное усилие преодолеть смертельную слабость.

— Род... — пробормотал он наконец. — Род... моя сестра... Миннетаки...

У него не хватало сил закончить начатую фразу, и он тяжело рухнул на руки Родерику, который на минуту потерял всякое мужество и в отчаянии завопил:

— Да ну же, Ваби... ну же... Кончай то, что ты начал! Что случилось с Миннетаки?

Ваби пробормотал:

— Она находится в плену у индейцев вунга...

Это усилие окончательно истощило его. Он потерял дыхание и, как мертвый, упал на землю.

Глава II

Как Миннетаки попала в плен к индейцам вунга

В продолжение нескольких долгих минут Родерик думал, что жизнь окончательно покинула тело его молодого друга.

Ваби лежал совершенно недвижно, и лицо его хранило такую мертвенную бледность, что Родерик, почти столь же бледный, стал взывать к нему голосом, полным отчаяния и слез.

Проводник Родерика стал на колени перед обоими молодыми людьми. Просунув руку под толстую рубаху Ваби, он держал ее там с минуту, а затем решительно заявил:

— Сердце еще бьется.

С этими словами он вытащил из кармана маленький металлический флакон, открыл его и протиснул горлышко между плотно сжатыми челюстями Ваби. Как только несколько капель чудесной жидкости попало в горло измученного юноши, проявился ее немедленный эффект.

Ваби открыл глаза, устремил рассеянный, блуждающий взор на лицо, которое склонилось над ним, и тотчас же опустил веки.

Все это длилось не дольше четверти минуты, но проводник казался вполне довольным. Оставив Ваби, он начал тщательный осмотр саней и собак, которые по-прежнему лежали, вытянувшись во всю длину на снегу, с опущенными на передние лапы головами. Казалось, на них не оказывала никакого действия близость совершенно чужой упряжки собак. Если бы время от времени судорожно не вздымались их бока, можно было бы подумать, что смерть застигла их врасплох на том самом месте, где они упали, на следу.

— Они бежали до тех пор, пока могли, — произнес проводник, — они сделали все, на что были способны! Бедные животные! Бедный мальчик!

По дрожи, которая все чаще и длительнее пробегала по телу Ваби, Родерик понимал, что молодой человек постепенно возвращается к жизни, но вместе с радостью он испытывал и тревогу. Глядя на измученных вконец собак и на полуживого друга, он с тоской спрашивал себя: не случилась ли катастрофа, еще более ужасная, чем пленение Миннетаки? Может быть, нежная и прекрасная сестра Ваби скончалась? Уж не убили ли ее жестокие и кровожадные вунги?

Тогда, не в силах одолеть свое волнение, он стал умолять Ваби сообщить ему хоть какие-нибудь подробности, но проводник, нисколько не стесняясь, оттолкнул его в сторону и энергично заявил:

— Как вы можете так поступать? Неужели вы не понимаете, что прежде всего он нуждается в полном покое? Он находится в очень тяжелом положении. Вы бы лучше делом занялись, и, пока я заверну его в меха и буду растирать, вы соберите хворост и разложите костер! Ему прежде всего нужен покой, а затем — тепло! Так вот!

Родерик немедленно подчинился приказанию, понимая всю его мудрость. Он собрал немного березовой коры, к которой присоединил изрядное количество сухих веток, и через несколько минут около саней весело затрещал огонь. Родерик прибавил еще коры, еще веток, и ласкающее тепло распространилось шагов на двенадцать в окружности.

Проводник перенес Ваби поближе к огню и положил его на большую медвежью полость. Затем он укрепил на горящих поленьях большой горшок со снегом. Как только вода закипела, он приготовил бульон из концентрата.

Смертельная бледность Ваби исчезла, и Родерик, стоя на коленях, со счастливым выражением лица, напряженно следил за его дыханием, которое с каждой минутой становилось все ровнее и чаще. Но по мере того как проходила опасность, угрожающая непосредственно юноше, он все более тревожился о Миннетаки, допуская самое ужасное и невероятное.

Вдруг быстрой и ровной чередой пронеслись перед его мысленным взором все события последних месяцев. Прежде всего он вспомнил о своем прибытии из Детруа в Вабинош-Хоуз в сопровождении Ваби, своего школьного товарища, который увлек его своими вдохновенными рассказами о Нортландии — стране, так далеко расположенной от малейших следов цивилизации. Они провели почти

неразлучно несколько месяцев подряд, и за это время их дружба, претерпевшая множество испытаний, окрепла настолько, что можно было ручаться за ее жизненность и силу до гроба. За эти же месяцы они успели познакомиться и сойтись со старым Мукоки, самым опытным и ловким охотником в области, и вместе с ним пережить очень много интереснейших и опасных приключений.

Но вот перед его глазами предстал нежнейший образ сестры Ваби, Миннетаки, которая выехала к ним навстречу на пироге и проводила их до самого дома, где их ждала такая торжественная и сердечная встреча. Он вспомнил, как по дороге его легонькая шапочка была сорвана резким порывом ветра, брошена в озеро Нипигон и как девушка с лучезарной улыбкой, черными, как агат, глазами и ослепительно белыми зубами ловко подхватила ее своим веслом.

Воспоминания его продолжали разворачиваться и вдруг остановились на заброшенной в ледяных полях хижине, где он и Ваби натолкнулись на два страшных скелета. Эти скелеты принадлежали двум золотоискателям, которые вступили в смертельный бой за обладание таинственной географической картой, вычерченной на березовой коре. Это была грубая карта, но бесконечно ценная, так как таила в себе секрет золотоносной жилы исключительной мощности, жилы, которую многие искали, но ни один человек еще не нашел.

Но вот настал час возвращения на родину, и трагические события последовали одно за другим с головокружительной быстротой. Фактория Вабинош-Хоуз была атакована индейцами вунга, и Родерик, прежде чем предпринять поездку на санях на родину, пожелал должным образом попрощаться с очаровательной Миннетаки, но оказалось, что в целях предосторожности девушка была отправлена в верное убежище, где ей как будто бы не угрожала ни малейшая опасность. Так, по крайней мере, уверяли родители Миннетаки.

Случилось то, чего никоим образом нельзя было ожидать. Спустя двадцать четыре часа после его отъезда из Вабинош-Хоуза он увидел перед собой милого Ваби, умирающего от усталости, несмотря на то, что вчера еще здоровье друга не оставляло желать ничего лучшего. Он оказался в силах произнести лишь несколько слов, из которых Родерик узнал, что молодая девушка, несмотря на все меры предосторожности, попала в руки к индейцам вунга, считавшимся самыми жестокими в стране.

В то время как он предавался своим сладостным и вместе с тем горестным воспоминаниям, Ваби вздрогнул, слегка вздохнул и вернул Родерика к печальной действительности.

Родерик осторожно приподнял своего друга, а проводник подал ему чашку горячего бульона. Проголодавшийся Ваби прежде всего улыбнулся, затем поглядел на обоих людей, и его измученное, вытянувшееся лицо приняло более здоровый вид. Он начал пить бульон небольшими глотками, но тотчас же забыл про всякую осторожность и сразу выпил то, что осталось. Когда чашка совсем опустела, он слегка приподнялся и произнес:

— Правду сказать, я с удовольствием выпил бы еще одну чашку бульона. Очень вкусная штука...

Его желание было немедленно исполнено, и вторая чашка показалась ему еще вкуснее первой. Выпив бульон, он еще раз приподнялся, вытянул вперед руки, словно желая удержать свое неустойчивое равновесие, и устремил на Родерика глаза, все еще налитые кровью.

— Если бы ты знал, Род, как я боялся, что мне не удастся нагнать тебя!

— Я очень прошу тебя, Ваби, — жалобно начал Родерик, — если ты только в состоянии, расскажи мне толком, что произошло у вас. Ты сказал мне, что Миннетаки...

— ...похищена индейцами вунга. Их вождь лично руководил нападением. Я счел нужным предупредить тебя об этих событиях... во-первых, потому что я знаю, как тепло ты относишься к моей сестре... А затем я хочу просить тебя принять участие в поисках Миннетаки. При создавшихся условиях твое участие в деле может принести нам громадную, решающую пользу.

Ваби слишком устал, и ему пришлось сделать довольно продолжительную паузу. У него вдруг закружилась голова, и он зашатался. Родерик и проводник помогли ему усесться на санях. От напряжения у него выступил пот на лбу, но тем не менее он сделал попытку улыбнуться, схватил руку товарища, нервно сжал ее и продолжал:

— Выслушай, Род, внимательно, и ты узнаешь, как все произошло. Ты прекрасно знаешь события последних дней. По возвращении с зимней охоты мы узнали про готовящееся нападение индейцев вунга

на фабрику. Для того чтобы избежать серьезной опасности, быть может, смерти, мы решили сделать большой крюк к югу. Только таким образом мы могли попасть в Вабинош-Хоуз. Ты знаешь также, что, оставив раненого Мукоки в лагере, мы отправились с тобой в разные стороны в надежде найти какую-нибудь дичь, потому что наши запасы совершенно истощились. По твоим собственным словам, спустя час ты набрел на след, который пересекал твой собственный. По этому следу можно было определенно судить, что здесь недавно прошли сани и люди на лыжах. Несколько дальше, близ догоравшего костра ты нашел еще другие следы и между ними отпечаток маленькой женской ножки, которая, как ты заявил, могла принадлежать только Миннетаки.

Родерик слушал, весь дрожа, с туго и болезненно натянутыми нервами. Если бы он мог, он сразу вырвал бы из горла Ваби все слова, которые тот должен был произнести. Конечно, утомленный юноша не мог рассказывать так быстро, как хотелось бы нетерпеливому влюбленному.

— Да, да, все это я знаю. Ну а дальше?

Проводник протянул Ваби третью чашку бульона, которую тот немедленно выпил, после чего продолжал более твердым и звучным голосом:

— Когда мы достигли фабрики, которая была осаждена с трех сторон, мы узнали от моего отца, что Миннетаки отправлена на юг, в Кеногами-Хоуз, где ей не угрожает никакая опасность. Отец добавил, что вполне согласен с тобой и что открытые тобой следы могут принадлежать только Миннетаки и ее эскорту.

— Ну и что же?

— Ну и оказывается, что в *то время* Миннетаки находилась уже в плену. Почти весь эскорт ее был перебит, а вождь племени вунга, который когда-то был влюблен в мою мать и несколько десятков лет ненавидит моего отца, решил добиться реванша и увез неведомо куда нашу девочку. Или увез ее, или... Один Бог знает, какая судьба постигла ее.

И в то время как Род бессильно сжимал кулаки, Ваби заканчивал свой рассказ:

— Спустя час после твоего отъезда мы узнали почти все подробности страшной катастрофы. Одному человеку из охранительного отряда удалось спастись. Он был тяжело ранен,

находился почти при смерти, но на следующее утро собрал последние силы и с невыразимыми трудностями добрался до фактории. Он-то и рассказал нам все. Ему была оказана немедленная помощь, но я почти уверен, что в настоящее время его уже нет в живых. Главные силы были оставлены для защиты фактории, а незначительная часть солдат в самом спешном порядке рассыпалась по всем направлениям. К ним на помощь пришли наши лучшие трапперы, которые тоже горят желанием найти бандитов и должным образом проучить их. Мы с Мукоки присоединились к ним. К сожалению, легкая оттепель, очень редкая в это время года, совершенно стерла следы, и мы пока ничего не нашли и ничего не добились. И вот почему...

— Что?

— И вот почему я подумал о тебе, Родерик. Мне кажется, если бы мы пошли по тому пути, по которому несколько дней назад мы пробирались вместе с Мукоки в факторию, то легко нашли бы место нашего привала, то есть то самое место, откуда мы разошлись с тобой в разные стороны. Я полагаю еще, что твоя память сохранила воспоминания об окружающей местности и поможет тебе ориентироваться и вернуться туда, где ты обнаружил следы Миннетаки и ее отряда. Во всяком случае это могло бы служить нам исходным пунктом. Оттепель была не повсеместной. Может быть, там снег не тронут, следы сохранились и помогут нам взять нужное направление.

Он помолчал и снова заговорил:

— Теперь, надеюсь, тебе ясно, почему мы с едва оправившимся Мукоки среди ночи бросились за тобой вдогонку. Ты должен понять также, почему я оставил на середине пути Муки, который находится теперь на расстоянии десяти-двенадцати миль позади нас. Он остался с другой парой саней и полуиздыхающими собаками, а я продолжал путь, захватив собак, которые находились в лучшем состоянии. Выбившись окончательно из сил и очутившись один в ледяной пустыне, я прибег к последнему средству, которое могло привлечь твое внимание: я стал стрелять и стрелял до тех пор, пока не растратил всех зарядов. Я прекрасно понимал, что нахожусь на краю гибели, что ежесекундно могу лишиться сознания и потерять все, в том числе и собственную жизнь. Род, Род, у меня осталась только единственная надежда на спасение Миннетаки, и эта надежда неразрывно связана с

тобой. Наша девочка похищена Великой Белой Пустыней, и мы должны напрячь все силы, для того чтобы освободить ее.

Глаза Родерика пылали. Нервным, порывистым движением он схватил руки друга и крепко пожал их.

— Ничего, Ваби, не волнуйся! — воскликнул он. — Я нисколько не сомневаюсь в том, что мне удастся найти эти следы. Я сделаю все возможное и даже невозможное. Если потребуется и понадобится, мы дойдем до самого северного полюса и дальше. Мы будем искать ее до дня Страшного суда!

Едва только он произнес последние слова, как из соседнего леса донеслись звуки человеческого голоса и хлопанье бича, похожее на треск револьверного выстрела. Молодые люди замолчали, затаив дыхание, и насторожились. Звуки приближались.

— Это — Мукоки! — произнес наконец Ваби. — Это может быть только он. Он нагоняет нас.

Глава III

По следам вунга

Действительно, это был Мукоки, который собрал последние силы и вдохнул новую мощь в околевающих собак. Старый траппер находился в таком же тяжелом состоянии, как и Ваби. Удлинившееся и заострившееся лицо явно говорило об его истощении.

Как только он подъехал к костру, проводник немедленно уложил его на медвежью полость и угостил чашкой горячего бульона, который оказал самое благотворное воздействие.

— Ваби догнал вас... — с трудом произнес индеец, стараясь улыбнуться. — Это хорошо, это очень хорошо...

Но для лирических излияний времени не было.

— Дорога каждая минута! — заявил Ваби. — Мы должны немедленно двинуться в путь. От того, когда мы выедем, часом раньше или позже, зависит наша победа или поражение. Надо торопиться, как это ни трудно в нашем положении.

— В таком случае возьмите наших собак! — предложил проводник Родерика. — У нас шесть собак, и все они находятся в превосходнейшем состоянии, потому что мы нормальным шагом шли вперед. Этим-то и объясняется тот факт, что вы так скоро догнали нас. Вам надо выбрать из ваших собак трех-четырех посильнее и запрячь их вместе с нашими. Я лично посоветовал бы вам дать им час-другой отдохнуть. Кроме того, их необходимо накормить. И собаки оправятся, и вы сами подкрепите свои силы. В противном случае вы далеко не уедете. Вам очень быстро изменят силы, и все равно ничего не выйдет. Послушайте лучше меня. Я знаю это дело.

Тотчас был разбит временный лагерь, и проводник Родерика выложил все имеющиеся в наличности съестные припасы. Прекрасный, ровный огонь мигом поднял общее настроение.

Помимо усталости собаки, прибывшие из Вабинош-Хоуза, чувствовали сильнейший голод, и при виде огромного куска мяса,

который проводник начал рубить на части, они издали яростный вой, сбились в тесную кучу и самым выразительным образом задвигали челюстями.

Люди с большим трудом развели их в разные стороны и прекратили таким образом общую свалку. Через короткое время все собаки получили добрую порцию мороженого мяса от того самого куска, которым теперь угощались четверо человек, усевшись вокруг костра. Покончив с жарким, путешественники набрали снега, вскипятили воду и приготовили себе кофе.

Вдоволь наевшись и несколько отдохнув, люди начали отбирать собак. Четыре собаки Ваби были присоединены к шести псам Родерика, которые находились в самом завидном состоянии. В сани Ваби и Мукоки было впряжено по пяти «рысаков». Проводник Родерика решил по мере возможности использовать остальную упряжку и, не торопясь, вернуться в Вабинош-Хоуз.

Точно так же были распределены продукты и оружие, причем на долю Муки и обоих молодых людей досталось самое лучшее, что находилось в общем распоряжении.

Вскоре после того небольшой отряд двинулся в путь, вернее сказать, стал возвращаться по собственным следам вдоль лесов, полей и небольших рожиц. К тому времени, как люди заметили беспредельную, застывшую поверхность озера Нипигон, солнце стояло уже низко на пустынном грустном горизонте. Солнечные лучи уже не приносили с собой никакого тепла, и с каждой минутой становилось все холоднее.

Через полчаса пламенный диск совершенно исчез, и вдруг, как это всегда наблюдается в Нортландии, ночь опустила свои быстрые, непроглядно-черные крылья на землю.

Северная ночь окутывает вас каким-то волнистым струящимся плащом. Она бросает на вас такую густую завесу, что минутами кажется, будто вы можете нащупать руками нависший рыхлый мрак...

Вот именно такая ночь спустилась на землю к тому времени, когда наши путники достигли озера, и Мукоки первым ступил на его снежную поверхность.

Старый индеец, к которому вернулась вся его изумительная энергия, бежал рядом с санями. Ваби, все еще не пришедший в себя,

лежал, завернувшись в меха, на вторых санях, за которыми бежал Родерик, самый сильный из всех троих.

Чисто механически выполняя свое трудное дело, он продолжал думать только об одном: о тех исключительных событиях, которые разыгрались на протяжении двух последних дней. Он думал о горячо любимой матери, которая находилась в данное время в Детруа и с нетерпением поджидала сына. Но больше всего он думал об очаровательной молоденькой Миннетаки, к которой стремился всем своим юным сердцем. Он познакомился с ней только шесть месяцев назад, так недавно обменялся с ней первыми робкими словами, но уже был пленен ею и, вероятно, навсегда...

Что сделает с ней вождь вунга, до тех пор пока они нагонят его, если вообще можно допустить мысль, что они когда-нибудь добьются своей цели? Что ждет ее? Что она делает сейчас? Жива ли? Как себя чувствует?

Они быстро неслись вперед по намеченному пути. На далеком расстоянии от них поверх леса замирал пунцово-красный солнечный свет. Моментами чудилось, что все озеро окутано огромным, белесоватым саваном, который неведомо где начинался и кончался.

Ваби, пролежав несколько часов на санях, чувствовал себя сравнительно хорошо и теперь вместе с остальными товарищами бежал за санями. Было решено, что каждый из них должен бежать не дольше десяти минут, а затем отдыхать. Только при таком условии можно было рассчитывать на то, что никто из них не выбьется из сил до первого этапа.

Трудно было сказать, чем именно руководствовался Мукоки, который вел весь отряд, но, так или иначе, он ни разу не проявил ни малейшей нерешительности. Очень скоро в небе весело зажглись звезды. А вслед за ними над черным горизонтом луна подняла свой искрящийся огненный шар и открыла глазам путников такое зрелище, какое можно видеть только в волшебные северные ночи.

По мере того как лунный диск клонился к зениту, его кроваво-красный цвет постепенно переходил в алый. Вдруг неведомо откуда в него вонзились серебряные стрелы, и в эфире вскоре повис бледно-золотой фонарь, источающий нежнейший свет на холодный снег...

Великое молчание объяло Белую Пустыню, и лишь время от времени оно нарушалось легким скрипом полозьев, мягким

шуршанием собачьих лап, погружавшихся в снег, и коротенькими, отрывистыми замечаниями, которыми изредка обменивались люди.

Часы Родерика показывали начало девятого, когда Ваби повернулся к своему приятелю и, указывая на длинную темную линию, перерезывавшую горизонт и отбрасывавшую глубокую тень на белоснежный лик озера, сказал:

— Вон там лес! Мы подходим к нашему первому этапу.

Казалось, собаки поняли, что сказал человек, и налегли изо всех сил. Передовой пес почуял запах хвойных деревьев и радостно залаял.

Обе упряжки прежним аллюром продолжали свой путь, и на фоне лунной ночи все ярче и четче проступали очертания приближающегося леса. Через несколько минут обе пары саней остановились у юго-восточного берега озера Нипигон, и собаки, сбившись в кучу, мигом улеглись на земле. С полудня отряд сделал около шестидесяти миль.

— Мы здесь разобьем лагерь! — сказал Ваби. — Я едва держусь на ногах. К тому же нам необходим дневной свет, для того чтобы найти след. Ночью мы ровно ничего не сможем сделать.

Мукоки, не дожидаясь ответа Родерика, схватил топор и уже начал срубать наиболее близкие к нему ветки.

— Род, — предложил Ваби, — займись костром, а мы с Муки тем временем поставим временное жилье. Надо согреться.

Спустя полчаса была воздвигнута небольшая хижина, сделанная из сосновых ветвей, и перед ней уже пылал буйный огонь, бросающий в морозный воздух тысячи радостных и бойких искр. Род успел собрать множество сухих поленьев, которые обеспечивали тепло до самого утра, и Ваби вместе с Муки, закутавшись в меха и вдыхая чудесный смолистый запах, очень уютно устроились на ночь. Родерик, который чувствовал себя гораздо бодрее своих товарищей, решил дежурить всю ночь. Он уселся совсем близко к костру и, продолжая чем-то лакомиться, не отрывал взора от пляшущего пламени, которое временами принимало самые фантастические формы. Собаки подползли к самому костру, и иногда казалось, что их оставили все признаки жизни.

Время от времени из лесу доносился жалобный вой одинокого волка. Иногда над костром пролетала громадная белая сова и бросала в

огонь свой страшный, почти человеческий крик: «Алло! Алло!». Под оседающим снегом трещали деревья.

Но ни остервенелый вой волка, ни треск деревьев, ни безумные крики крылатого гостя не были в состоянии разбудить спящих.

Так прошло около часа. Родерик, положив ружье на колени, все еще сидел у костра. Образ Миннетаки не оставлял его. Он никак не мог отделаться от твердой уверенности, что она в это же самое время тоже не спит и без усталости думает о своих спасителях.

Вдруг под воздействием тех телепатических сил, которые иногда гораздо мощнее в нас, чем мы сами можем думать, Родерику показалось, что он видит девушку совсем близко — не образ и не дух ее, а живую Миннетаки из плоти и крови! Подобно ему, она сидела совсем близко у пылающего костра.

Ее прекрасные черные волосы светились от отблесков огня, а на спину падали тяжелые косы. Она напряженно глядела на пламя, и минутами создавалось впечатление, что, не в силах совладать с неведомыми чарами, она сейчас бросится в огонь.

И совсем близко, так близко, что стоило только протянуть руку, чтобы коснуться *его*, стоял человек с таким суровым выражением лица, что Родерик содрогнулся. Это был сам дьявол в образе человека, краснокожий вунга, вождь бандитского племени, который уже давно был объявлен вне закона. Он все время говорил со сладострастным огнем в глазах и вдруг протянул свою страшную руку по направлению к девушке.

Совершенно бессознательно молодой человек издал отчаянный крик, разбудивший всех собак, и вскочил с места. Что случилось? Приснился страшный сон? Или, может быть, то, что он видел, было гораздо страшнее и реальнее любого сна?

Напрасно он старался отделаться от овладевшего им испуга и вернуть себе утраченное спокойствие. Почему, с какой целью вунга протянул руку к девушке?

Этот вопрос, крайне нелепый по существу, продолжал страшно волновать и мучить Родерика.

Он поднялся, подошел еще ближе к костру, перемешал уголья и подбросил так много дров, что огонь мигом поднялся выше прежнего, лизнул самые высокие ветви деревьев и швырнул по сторонам мириады искр. Казалось, яркое веселое пламя несколько успокоило

юношу. Он уселся на прежнем месте и сделал попытку уснуть. Но в следующее мгновение его глаза с прежней четкостью уловили образ Миннетаки, за которой стоял все тот же вунга. На этот раз индеец схватил ее в свои объятия, и девушка напрасно старалась освободиться. Она отважно боролась, но индеец был гораздо сильнее ее и, победив отчаянное сопротивление, поднял Миннетаки и убежал с ней в лес, где и скрылся...

Родерик снова вскочил с места и протер глаза. Холодный пот на миг покрыл все его тело. Он не пытался уже уснуть. Часы, которые он вынул из кармана и поднес поближе к огню, показывали за полночь. Через час он должен был разбудить своих товарищей.

Он занялся приготовлениями к завтраку и накормил собак. Ровно в половине второго часа ночи он вошел в хижину, направился к Ваби и стал тормошить его.

— Вставай, вставай! — закричал он ему в ухо. — Пора отправляться! Живо вставай!

Молодой человек не сразу проснулся, но, проснувшись, немедленно поднялся, потянулся и через несколько минут в сопровождении Мукоки подошел к костру.

Родерик делал усилия сохранить внешнее спокойствие и не обмолвился ни словом о странном видении, которое два раза подряд посетило его. Но он был так нервно настроен, что без конца торопил своих попутчиков и раньше их проглотил завтрак.

Мукоки немедленно приступил к своему делу, то есть занялся поисками старого следа, того самого следа, который они проложили с неделю назад, когда возвращались в Вабинош-Хоуз. Когда они тронулись в путь, луна стояла еще довольно высоко в небе, но отбрасывала на землю все бóльшие и бóльшие тени. Она как-то неожиданно скрылась за высокими деревьями и уже больше не показывалась, и, таким образом, спасителям Миннетаки пришлось пользоваться только звездным светом.

Мукоки прежде всего направил собак по замерзшему ложу небольшой речонки, летом протекавшей в лесу. Обе пары саней довольно медленно подвигались по ухабистой дороге, которая с каждым шагом становилась все уже и тяжелее. Наконец после четырехчасового, крайне утомительного пути лес поредел, и Мукоки,

все еще находившийся впереди крохотного отряда и раньше товарищей вышедший на вершину крутого склона, отдал приказание:

— Стой!

По другую сторону склона высился едва различимый в ночном мраке дикий хаос камней, небольших скал, вырванных с корнем деревьев, ложбинок и крутых троп. Ясно было, что до рассвета опасно продолжать путь.

Ваби разложил небольшой костер, вокруг которого плотно уселись люди и собаки. Прошло довольно много времени, которое показалось бесконечным порывистому и возбужденному Родерику, пока звезды наконец стали блекнуть в небе и свет их сменился ранней бледной зарей, которая вдруг, как всегда на севере, пышно расцвела.

Начиная с этого места, трудно, почти невозможно было найти малейшие намеки на старый след, но многоопытный Мукоки и не думал унывать и по совершенно неуловимым признакам определял знакомые кусты, деревья и камни и каждую «находку» приветствовал своим характерным кряхтеньем, которое убеждало обоих юношей, что все идет нормально и что они находятся на верном пути.

Они шли так целый день, сделав лишь непродолжительный привал для завтрака и легкого отдыха. Родерик и Ваби не переставали удивляться неутомимости старого траппера и той уверенности, с какой он гнал вперед собак.

Казалось, его глаза ни на миг не закрывались и совершенно забыли про то, что на свете существует усталость. Время от времени он останавливал собак, и один подавался то влево, то вправо. После того он возвращался к саням, не проронив ни слова, а Ваби и Родерик, в свою очередь, не задавали ему никаких вопросов. Они предоставляли старику полную свободу и, зная, что он не любит ни лишних слов, ни лишних жестов и движений, оставляли его в покое. Огромную пользу ему приносил пес, который, подобно ему самому, все время вынюхивал старый след.

Время от времени молодые люди тоже узнавали то скалу, которую они недавно видели, то кустарник, вдоль которого они проходили. Случалось даже и так, что в тех местах, которых не коснулась временная оттепель, они находили отдельные, неясные отпечатки своих ног, что окончательно убеждало их в том, что они идут по правильному пути.

Но поистине было непостижимо, каким образом мог ориентироваться Мукоки, который пользовался только своей изумительной памятью.

Как Ваби ни ломал голову, он не мог понять этого. Что же касается Родерика, то он со все возрастающим волнением спрашивал самого себя: что он мог бы сделать, если бы был предоставлен исключительно самому себе? Как он вышел бы из подобного затруднительного положения?

Он и теперь, в обществе Мукоки и Ваби, не питал чрезмерной надежды на то, что они добьются своего, но в минуты наиболее острого отчаяния он мысленно вызывал нежный образ Миннетаки, и при виде ее молитвенно протянутых ручек к нему возвращалось все то мужество, которое так было необходимо теперь.

Остановились на ночь с первыми вечерними сумерками. Как и накануне, немедленно была поставлена листовенная хижина, близ которой через несколько минут запылал большой костер. Родерик, Ваби и Мукоки под покровительством звезд и луны по очереди дежурили до утренней зари.

На следующий день, часов около двенадцати, Мукоки, по-прежнему прокладывавший путь и тщательно замечавший малейшие указания, вдруг издал радостный крик, от которого в первую минуту молодые люди вздрогнули.

— Хижина! — закричал он и протянул вперед руку. — Вы посмотрите только! Видите?

Лицо его приняло самое победное выражение. И действительно, путники подошли к своему старому лагерю, к нетронутой листовенной хижине, которая сохранилась точно в таком же состоянии, в каком они оставили ее. Именно в ней они провели несколько ночей, прежде чем вернулись в Вабинош-Хоуз.

Ваби опустил дрожащую руку на плечо Родерика, который был взволнован не меньше его самого.

— Ну а теперь, — произнес он, — наступил твой черед действовать. Помни, Род, что успех нашего дела сейчас зависит только от тебя.

Глава IV

Человек с медвежьими ногами

Родерик Дрюи на минуту был близок к тому, чтобы потерять сознание. Какую страшную ответственность возложили теперь на него!

Прежде всего надо было вспомнить, какой путь он избрал в тот день, когда, разлучившись на короткое время с товарищами, он отправился за дичью. Это был первый и почти кардинальный вопрос.

Перед брошенной хижинкой влево и вправо тянулась довольно обширная лужайка. Солнце весело играло на снегу, который на большом протяжении совершенно растаял. При самом тщательном осмотре нельзя было обнаружить ни малейших отпечатков человеческих ног.

А между тем ему было сказано:

— Иди вперед! Теперь все остальное зависит только от тебя! Помни это твердо.

Собаки, бесконечно радуясь тому, что им подарили временный отдых, вытянулись на снегу. Абсолютное молчание царило среди троих людей, связанных одной и той же целью, одним и тем же порывом. Родерик вознес немую молитву к небу.

Он ясно помнил, что *тогда* направился к югу, и именно это направление он избрал теперь. С ружьем наперевес, в сопровождении друзей, которые сделали с ним только несколько шагов, он довольно решительно пошел вперед. Считаясь с его настроением, Мукоки и Ваби не произнесли ни слова.

К своему неописуемому изумлению, он узнал некоторые кусты, которые показались ему более знакомыми, чем остальные. Шесть месяцев назад, когда он только прибыл в Нортландию, он не был способен на это. Но за истекшие полгода он столько раз участвовал в облавах на волков и так близко познакомился с Пустыней, что его глаза были натренированы гораздо сильнее, чем он сам думал.

Конечно, нельзя было еще говорить о полноте его познаний, ибо он на каждом шагу останавливался, не зная в точности, куда дальше пойти, что дальше делать.

Он также ясно помнил то, что сначала вышел на широкое поле, миновав которое, стал подниматься по отлогому холму. Но в каком месте он повернул? На этот весьма важный вопрос он пока не находил ответа.

Перед его глазами раскрывался хаотический и прекрасный в своей дикости пейзаж, и он призвал на помощь всю силу своего зрения, и весь ум, и всю память, для того чтобы хоть кое-как разобраться в топографии местности.

Сомнения его росли с каждой минутой, и вдруг он совсем оробел, когда повернулся и увидел на расстоянии тридцати-сорока шагов Мукоки и Ваби, которые пристально, по-прежнему молча, смотрели в его сторону.

Ему стало так тяжело и стыдно, что против воли его глаза наполнились чисто детскими слезами.

Неужели же из-за него Миннетаки пропала навсегда?

В подобном состоянии, недвижимый, как статуя, он мог бы простоять до вечера, если бы яркая полоса света, перерезавшая все поле, на миг не ослепила его. Этот яркий свет был брошен с противоположной стороны огромной ледяной глыбой, которая по странному капризу природы удерживалась в состоянии полного равновесия на вершине откоса, где она была оставлена пронесшейся мимо ледяной лавиной.

Эта глыба, прозрачная, ясная и чистая, как кристалл, сыграла в данном случае роль призмы, сквозь которую солнечный луч, преломившись, послал Родерику Дрюи свое спасительное указание. И действительно, молодой человек тут же на месте вспомнил, что неделю назад он проходил мимо этой льдины, которая сразу привлекла к себе его внимание. Он побледнел от радости и с легкостью козы и с победным криком бросился вперед.

Его попутчики, которым он не сказал ни слова и которые молча между собой переглядывались, словно спрашивая друг друга, не сошел ли Родерик с ума, едва поспедали за ним. С той же легкостью и стремительностью он побежал по снегу до основания откоса и стал

подыматься наверх, ни на миг не отрывая взора от чудесного сигнала, посланного ему самой судьбой.

Только тогда, когда он добрался до голубеющей в небе глыбы, он остановился и с громадным усилием перевел дух. Лишь через несколько минут он пришел в себя, стал дышать гораздо ровнее и мог объяснить Мукоки и Ваби, что случилось и какую чудесную помощь послало ему провидение.

С вполне законной гордостью он выслушал все похвалы в свой адрес, еще немного отдохнул и стал подыматься к вершине ската. Когда он добрался до намеченной цели, солнце стало уже спускаться к холодному, угрюмому горизонту. Мало-помалу стало темнеть, но Родерик, уже руководствуясь собственным инстинктом, продолжал с тем же неутомимым упорством свои поиски. Он как-то сразу, без малейшего напряжения вспомнил многое, что казалось давным-давно уплывшим из его памяти.

При других обстоятельствах и в менее трагической обстановке Мукоки и Ваби от души смеялись бы при виде того, как Родерик, как вьюн, вертелся на одном и том же месте, то приседал, то подымался, снова приседал и снова подымался, озирался по сторонам и с видом старого траппера вынюхивал искомый след.

Но теперь им было не до смеха.

Ночь уже бросала свои первые легкие сумерки. Небо затянулось серой пеленой, но Родерик успел выйти на крохотную лужайку и по полуобгорелым поленьям узнал то самое место, где на прошлой неделе натолкнулся на следы Миннетаки и ее наглых преследователей.

Им овладела такая гордость, а вслед за ней столь яркая надежда, что на миг ему показалось, что его сердце сейчас вырвется из груди... Он увидел те же кости, те же остатки трапезы, разбросанные вокруг погасшего костра...

И у него уже не оставалось никаких сомнений насчет того, что он нашел именно то, что так упорно искал.

Да, он нашел то, что искал, за исключением лишь одного: отпечатка ноги Миннетаки. К нему на помощь поспешил Мукоки, который стал разгребать снег и самым тщательным образом искать следы побывавших здесь людей, а также лыж, полозьев и собачьих лап. Оттепель продолжалась лишь один день, но она сделала свое дело и уничтожила все признаки пребывания здесь индейского отряда.

— Я думаю, — начал Ваби, — что мы должны во что бы то ни стало провести здесь ночь. Может быть, дневной свет поможет нам, и мы найдем, что нам нужно.

Несмотря на безумную радость Родерика, который хлопал в ладоши, как маленький мальчик, Ваби и старый траппер не разделяли его настроения. Да, пока еще нечему было радоваться.

«Еще одна ночь! — думали они про себя. — Еще одна прошедшая без всякой пользы ночь!»

Индейцы настолько ушли вперед, что у преследователей не было твердой уверенности в том, что их удастся вовремя нагнать. Разве только поможет какой-нибудь непредвиденный счастливый случай.

Мукоки и Ваби избегали делиться своими грустными размышлениями с Родериком, боясь опечалить его. Не теряя времени, все трое занялись устройством хижины из березовых ветвей, возле которой, по установившейся традиции, разложили костер. Мукоки, оказавшийся выносливее остальных, вызвался дежурить всю ночь. Род и Ваби, изнервничавшиеся до последней степени, уснули так крепко, что у старика не хватило духу будить их, когда пришел назначенный час. Солнце уже встало, когда молодые люди вышли наконец из хижины и стали потягиваться, желая размять онемевшие члены. Ими тотчас же овладел невыносимый стыд, когда они обнаружили, что Мукоки нет подле костра. Траппер не терял драгоценных минут и, очевидно, занимался чем-то очень важным, потому что, когда он появился через полчаса, лицо его выражало полное удовлетворение.

— Ну, что слышно? — спросил Ваби.

Индеец протянул руку в северо-восточном направлении.

— Они пошли в ту сторону! — сказал он.

Старый траппер совершенно правильно рассудил, что если похитители девушки и направились к югу, то сделали это только для отвода глаз, так как с этой стороны им угрожала опасность быть пойманными в скором времени. Поэтому они должны были немедленно свернуть на север и затеряться в местности, известной только им одним. Великая Белая Пустыня хранила много уголков, куда еще не проник ни один белый человек.

Тщательно изучая окрестности и топографический профиль места, где они находились, Мукоки настолько увлекся, что незаметно вышел на узенькую долинку, тянущуюся на северо-восток и окаймленную

такими высокими скалистыми холмами, что солнце сравнительно редко проникало в нее. Он был настолько опытным следопытом, что тотчас же обратил внимание на то, что почва местами примята. Это обстоятельство принудило его пойти несколько дальше, и через самое короткое время он нашел несомненные пятна крови и, таким образом, убедился в том, что среди индейцев были раненые.

Затем на крутом повороте долинки, на том самом месте, где огромный северный кедр бросал на землю длинную, непроницаемую тень, Мукоки обнаружил вполне четкие следы двух пар саней, многочисленных собак и десяти-двенадцати человек.

Глаза траппера горели воинственным огнем, когда он стал объяснять товарищам результаты своих поисков. Он выразил полную уверенность в том, что обе пары саней принадлежали Миннетаки и ее эскорту, который был взят индейцами в плен, а затем перебит.

После непродолжительного обмена мнениями собаки были запряжены, и трое людей последовали за ними в узкую долину, тщательно исследованную индейцем. Упряжка настолько отдохнула за последние два дня, что буквально рвалась вперед и быстро вынесла сани на то место, где Мукоки открыл первые кровавые пятна. Час спустя отряд обнаружил еще более отчетливые следы пребывания индейцев.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ